

УДК 81'25: 316.7

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.А. Моисеева (Белгород, Россия), Е.А. Огнева (Белгород, Россия)

С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. Лингвокультурологические исследования как фактор межкультурной коммуникации. В статье исследуется влияние перевода художественных текстов на процесс межкультурной коммуникации. Рассматривается роль языковой личности переводчика в процессе перекодировки произведений. Выявляются причины частичной адаптации культурно-маркированных единиц текста к восприятию инокультурным читателем.

Ключевые слова: Межкультурная коммуникация, перевод художественных текстов, культурно-маркированные единицы текста

С.А. Моисеева, О.О. Огнева. Лінгвокультурологічні дослідження як фактор міжкультурної комунікації. У статті досліджується вплив перекладу художніх текстів на процес міжкультурної комунікації. Розглядається роль мовної особистості перекладача в процесі перекодування творів. Виявляються причини часткової адаптації культурно маркованих одиниць тексту до сприйняття читачем, що належить до іншої культури.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, переклад художніх текстів, культурно марковані одиниці тексту.

S.A. Moiseeva, H.A. Ogneva. Linguocultural studies as intercultural communication factor. In the article the influence of translation of belles-lettres fiction on the process of intercultural communication is considered. The role of the language personality of the translator in the process of overcoding the work of literature is determined. The reasons of partial adaptation of culturally marked text units to the perception of a foreign culture reader are defined.

Key words: intercultural communication, translation of belles-lettres fiction, culturally marked text units.

Лингвокультурология как продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике представляет собой комплексную научную дисциплину синтезирующего типа. Она изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражает этот процесс в единстве языкового и внеязыкового (культурного) содержания, исследование которого осуществляется при помощи системных методов. Термин “лингвокультурология” появился в языкознании в связи с работами

Ю.С. Степанова [1997], В.В. Воробьева [2008], В.Н. Телии [1999] и получил дальнейшее развитие в работах других исследователей [Алефиренко 2005, 2010; Клоков 2000, Хроленко 2004 и др.].

Актуальность исследования. Современная культурологическая ситуация отличается тем, что лингвистами ведется усиленный поиск духовных опор в языке, предпринимаются попытки через язык по-новому осмыслить прошлое и настоящее того или иного народа. Так, В.В. Воробьев считает значимым объектом исследования лингвокультурологии русскую национальную личность, “объединяющую в себе язык и культуру” [Воробьев 1997: 3-5].

Методологические основания лингвокультурологии базируются на элементах концептологии, герменевтики и общей филологии. С точки зрения Г.Г. Слышкина, в процессе исследования взаимосвязи языковых единиц и единиц культуры как компонентов языка и культуры, основная задача состоит “в установлении, во-первых, адекватных языковых средств, выражающих ту или иную культурную единицу в дискурсе, а, во-вторых, в выявлении основных прагматических функций апелляций к данной культурной единице в различных коммуникативных ситуациях” [Слышкин 2000: 8].

Объект и предмет исследования. В статье представляется интересным исследование культурно-маркированных единиц художественного произведения Л.Н. Толстого “Анна Каренина” в его оригинальной и переводной версиях.

Цель. Исследуя проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке, лингвокультурология изучает культурную семантику языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языкового кода и кода культуры в процессе коммуникации, в том числе и межкультурной коммуникации.

1. Специфика межкультурной коммуникации в XXI веке.

1.1. Система национально маркированных факторов межкультурной коммуникации.

В процессе межкультурного общения каждая культура выступает, прежде всего, как объект, который интерпретируется другими культурами, репрезентированными динамическими системами разноприродных знаков. В этом случае взаимодействие между культурами не может быть представлено в виде эквивалентно-тождественных отношений.

О.А. Леонтович выделяет следующую систему факторов, определяющих национально-культурную языковую специфику межкультурной коммуникации:

1. Факторы, связанные с культурной традицией народа: разрешение, запрещение, стереотипные акты общения, этикетные характеристики универсальных фактов общения, связанные с системой специфичных для данного общества ролевых и статусных отношений.

2. Факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения: функциональные подязыки и этикетные формы.

3. Факторы, связанные с социальной ситуацией в узком смысле, то есть учитывающие особенности протекания психических процессов и различных видов деятельности: психолингвистическая организация речевой деятельности, проксемические, паралингвистические явления.

4. Факторы, определяемые спецификой языка данной общности [Леонтович 2002: 191-192] и исследующие символы как отпечатки культуры.

1.2. Мотивированность символа как фактора межкультурной коммуникации.

Важнейшим свойством символа является его мотивированность. Мотивированность устанавливается между конкретным и абстрактным элементами символического содержания, что отличает символ от знака, в котором связь между означаемым и означающим произвольна и конвенциональна. Мотивированность символа базируется на аналогии, которая составляет основу такой семантической транспозиции (переноса), как метафора, метонимия и синекдоха. Мотивированность объединяет символ с метафорой и метонимией. Э. Кассирер отмечал роль метафоры в символическом конструировании реальности [Kassirer 1970]. Метафора объясняет аналогии в мифах, на основе метафоры связаны конкретный и абстрактный аспекты в содержании символа.

Символ и знак, являются важнейшими словами семиотического лексикона и имеют много общего: они конвенциональны и оба построены по трехкомпонентной модели (означаемое, означающее, семиотическая связка). По мнению Н.Д. Арутюновой, знаки конвенционализируются, а символы канонизируются, но, в отличие от знака, символ не подразумевает прямого указания на денотат [Арутюнова 1990]. Знак становится символом лишь тогда, когда его употребление предполагает реакцию не на сам символизируемый объект, а на целый спектр вторичных конвенциональных значений. Знаки требуют понимания, тогда как символу необходима интерпретация.

Таким образом, символ имеет знаковую природу, ему присущи все свойства знака, и хотя символ не подразумевает прямого указания на денотат, внешнее либо глубинное внутреннее подобие с символизируемым объектом может сохраняться. В ряде случаев в качестве символа культуры народа, как при прямой, так и при косвенной коммуникации может выступать коммуникативная личность переводчика. Коммуникативная личность как предмет лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [Богин 1984].

2. Перевод как фактор межкультурной коммуникации.

2.1. Языковая личность переводчика

Языковая коммуникативная личность переводчика в процессе ее исследования выступает в качестве центрального системообразующего звена

коммуникативного процесса. Она представляет собой многослойную, многоуровневую, многоаспектную структуру. В традиционном понимании языковая личность представляет собой некую существующую данность, за исключением тех случаев, когда художественный образ является языковой личностью, которая не существует сама по себе, а первоначально зависит от автора, а затем при переводе подчиняется законам переводного языка и интерпретации со стороны переводчика [Сорокин 2008].

Языковая коммуникативная личность как набор языковых потребностей, умений, готовности к осуществлению поступков различной степени сложности реализуется в художественном тексте в двух планах речи – авторской и персонажной. Саморазвитие коммуникативной личности переводчика при перекодировке литературно-художественных текстов представляет собой комплексную систему и происходит на основе накопления и использования переводчиком прошлого культурологического опыта цивилизации, отображенного в его сознании [Огнева 2005а].

Сложное сочетание психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых различий разных народов приводит к тому, что на уровне межкультурной коммуникации объем расхождений между языковыми личностями достигает некой критической массы, которая может оказать как положительное, так и отрицательное воздействие на степень успешности межкультурной коммуникации. Так, необходимо учитывать, что зафиксированная в языке ранняя культура славян, была мифологической культурой, и она не исчезла бесследно. Вследствие этого можно говорить о мифоархетипическом начале славянской культуры как родоначальницы русской культуры.

В русской культуре, по сути, совмещены три культуры: языческая славянская, византийская, западноевропейская, образуя одну из богатейших национальных культур мира и существуя в тесной связи с другими культурами, в том числе и с французской. По мнению Ю.М. Лотмана: “Процесс взаимного обогащения и ознакомления, включения в некоторый общий культурный мир вызывает не только сближение отдельных культур, но и их специализацию. Войдя в некоторую культурную общность, культура начинает резче культивировать свою самобытность” [Лотман 1984: 22].

Языковая личность переводчика состоит из следующих компонентов:

1) **ценностный компонент** – содержание воспитания, система ценностей, или жизненных смыслов. Ценностный компонент позволяет человеку сформировать первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует языковой образ мира, иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;

2) **культурологический компонент** способствует освоению культуры, правил речевого и неречевого поведения;

3) **личностный компонент** характеризует индивидуальное, глубинное в каждом человеке [Маслова 2001: 119].

Языковая коммуникативная личность формируется на основе усвоения конкретным человеком языкового богатства, созданного человечеством. Следует подчеркнуть, что коммуникативная личность является основным компонентом процесса коммуникации как прямой, так и косвенной, именно поэтому автору литературно-художественных произведений удается представить миру культуру своего народа в сопоставлении с культурами иных народов через характерные национально-обусловленные поступки героев произведений. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов.

2.2. Культурный шок при межкультурной коммуникации.

В процессе косвенной коммуникации, так же как и при прямой коммуникации, читатель часто испытывает культурный шок, то есть осознание резкого расхождения материального или духовного уровня культур двух народов, проявляющихся в условиях личностного контакта представителей одной культуры с представителями другой культуры [Моисеева 2002: 26]. Термин культурный шок ввел К. Оберг [Oberg 1960: 177-182]. Этот же термин можно применить и к процессу восприятия культурологически обусловленной лексики художественных произведений первоначально переводчиком, а затем, уже в адаптированном виде, читателем переведённого произведения.

Изучение принципов, на которых зиждется межкультурное общение, позволяет выделить причины коммуникативного шока и пути их преодоления в процессе адаптации инокультурных реалий к восприятию иноязычного реципиента. Процесс изучения межкультурного взаимодействия народов, в частности при косвенной коммуникации, требует использования комплексных подходов, качественных изменений в выборе методов исследования, которые выражаются в форме трансформации языковой личности, что является одним из условий успешного межкультурного общения [Леонтович 2002: 9].

В структуре языковой личности переводчика особое место принадлежит ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения, возникающим не только на основании знаний, но и на основе собственного жизненного опыта человека, т.е. каждая языковая личность обладает некоей “оценочной шкалой”, с помощью которой репрезентируется окружающий мир. Эта внутренняя субстанция является структурным имплицитным свойством личности и мощным фактором её самоопределения, т.к. представитель той или иной культуры обладает неким культурным фондом, то есть комплексом знаний, обеспечивающих определенный кругозор в области национальной и мировой культуры.

Культурный фонд представляет собой совокупность тех базовых единиц, которые включаются в данную национальную культуру [см. подробнее: Огнева

2005б: 216-220]. Принадлежность человека к определенной культуре определяет его менталитет, на основе которого создаются исходные предпосылки и для восприятия иной культуры обычно посредством прочтения литературно-художественных произведений.

2.3. Языковая картина мира в системе межкультурной коммуникации.

Языковая картина мира выступает в качестве проводника в процессе коммуникации личности с окружающей средой. Она является основой личностной самоидентификации и во многом зависит от того, каким образом лингвокультура систематизирует объекты по их месторасположению в системе предметных значений и контекста. По мнению В.Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом [Касевич 1997], в результате чего возникают расхождения между архаической семантической системой языка с одной стороны, и актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива с другой стороны, что проявляется в порождаемых ими текстах [Бразговская 2004].

Языковая картина мира объективно отражает восприятие мира носителями той или иной культуры, в том числе и в художественных текстах. Структура картины мира, как известно, во многом определена принципом систематизации объектов, ее составляющих. Наблюдение картины мира в динамике осуществляется при социально-динамическом изучении взаимодействия культур [Лотман 1992, Гак 2000].

Социально-динамический подход в исследовании предполагает, что картина мира находится в непрерывном движении. Динамическим фактором является также уровень языковой, культурной компетентности, которая отражает картину мира через индивидуальное восприятие и язык. Языковая картина мира многофункциональна и выполняет следующие функции:

- ◆ объяснительная;
- ◆ оценивающая;
- ◆ подтверждающая (оправдывающая определенные общественные порядки, уклады и воззрения);
- ◆ усиливающая (психологическая функция, подкрепляющая социально-групповые устои);
- ◆ интегративная (систематизирующая восприятие окружающей действительности);
- ◆ адаптивная (служащая для разрешения конфликтов и ослабления культурологического диссонанса).

И.Г. Ольшанский полагает, что все богатство функций можно свести к двум базисам, так как субъективный целостный образ объективной действительности картины мира выполняет в жизни народа и человека две базисные функции: объяснительную (интерпретативную) и регулятивную [Ольшанский 2003: 34]. Картина мира, представляющая собой знания о мире, основывается на индивидуальном и общественном сознании и совпадает с логическим отражением мира в сознании людей.

Отличия языковых картин мира, возникающих в сознании различных народов, проявляются в особенностях лексической семантики и грамматической структуры национальных языков. Именно с языковой картиной мира, которая формируется под влиянием сложных когнитивных структур, связан художественный текст как форма реализации художественной картины мира. При перекодировке художественных текстов переводчик не заменяет одну языковую картину другой, эти картины наслаиваются, совмещаются. По мнению Н.А. Фененко, “в результате накладывания своей картины мира на чужую происходит освоение чужой действительности средствами своей понятийной системы [Фененко, Соболевская 2008: 184]. Языковая и лингвокультурологическая картины мира (лингвистическая и культурологическая компетенции), согласуясь между собой в силу диалектической связи языка и мышления как отражения мира, имеют в то же время ряд различий, обусловленных их функциональной спецификой.

Лингвокультурологическая компетенция, которая представляет собой систему знаний о культуре, воплощена в определенном национальном знаке, поэтому “языковые знаки и выражения требуют внеязыкового способа их раскрытия” [Воробьев 1997: 81–82], тогда как лингвокультурологическая картина мира может принимать форму языковой, то есть лингвистической компетенции, но оказываться содержательно более глубокой, поскольку первая выступает по отношению ко второй только лишь как вспомогательный компонент.

Культурологическая относительность языковой картины мира проявляется в вариативности форм и категоризации системы значений. Компоненты, составляющие данную систему, отражают специфику жизнедеятельности и культуры социальной и национальной общности, описываемой в тексте, где этноконнотация представляет собой глубинный уровень предполагаемой многослойной модели понятий культуры с определенной структурой и комбинаторикой признаков содержания этноконнотантов. Возникновение этноконнотации связано со степенью соотнесенности плана выражения знака с определенным культурным кодом.

Языковая картина мира отличается ярко выраженной прагматичностью и проявляется в реалиях, к которым относятся понятия, связанные с бытом и мировоззрением создавшего их общества. Они придают национальный колорит тексту оригинала.

3. Перекодировка национальных языковых реалий.

Перекодировка национальных языковых реалий решает вопрос передачи исторического и культурного своеобразия информации, заложенной в тексте оригинала на иной язык, поэтому исследования национально-культурной специфики значений языковых единиц позволяют рассматривать соотношения и взаимодействия понятий отдельной культуры с общечеловеческой.

Текст связан с культурой и пронизан множеством культурных кодов, поэтому правила построения текста зависят от контекста культуры. В ряде случаев единицы могут как усилить, так и ослабить культурный сигнал при переводе. Известно, что в дворянских семьях, а особенно в богатых помещичьих усадьбах, рецепты русской кухни отличались большим разнообразием, о чем подробно описывает Л.Н. Толстой в произведении “Анна Каренина”: *Но Степан Аркадьевич <...> все находил превосходным: и травник, и хлеб, и масло, и особенно полоток, и грибки, и крапивные щи, и курицу под белым соусом* [Толстой. Анна Каренина, 161] – *D`ailleurs Stéphane Arcadiévitch <...> ne cessa de trouver tout excellent le ratafia, le pain, le beurre, la volaille fummée, les champignons, la soupe aux orties, le poulet au blanc* [Tolstoï. Anna Karénine, 182].

Переводчику, в целом, удалось адаптировать информацию оригинала к восприятию франкоговорящим читателем путем употребления как адекватного способа перевода номинантов ряда реалий русской кухни: хлеб – *le pain*, масло – *le beurre*, грибки – *les champignons*, так и применив эквивалентный перевод: крапивные щи – *la soupe aux orties*.

В исследуемом материале было обнаружено две культуремы: *травник* и *полоток*. Культурема *травник* практически вышла из употребления в настоящее время, поэтому ее значение необходимо уточнить в словаре В.И. Даля: “Травник – это набор трав и кореньев для настоек водочных и лекарственных”. Травником, например, называли пермское пиво, в которое клали, вместо хмеля, пряные и одуряющие травы и солощу. В России XIX века давали советы: “Перед обедом выпить рюмочку травничку!”.

В результате проведенного сопоставительного анализа было установлено, что в рассматриваемом тексте лексема *травник* перекодирована эквивалентом *le ratafia* (ратафия – сорт ликера). Подчеркнем, что название *le ratafia* было заимствовано на краткий период в русский язык путем транслитерации, но не получило распространения. Это обусловлено тем, что в языке существует достаточно большое количество наименований для напитков. Культурема *полоток* обозначает, в соответствии с данными словаря В.И. Даля, “половину распластанной птицы, соленой, вяленой, копченой, засушенной в печи”. Исследование культуремы *полоток* выявляет два варианта ее перевода: *la volaille fummée*, употребленный в анализируемом произведении “Анна Каренина”, и *fricandeau* – в произведении Б. Пастернака “Доктор Живаго”.

Переводной вариант *la volaille fummée* (копченая птица) адаптирует реалию не в полном объеме, т.к. исчезла значимая составляющая культуремы,

именно, объём описываемой реалии: полоток – это половина птицы, а не птица целиком, как об этом говорится в тексте перевода на французском языке [см подробнее: Моисеева, Огнева 2010].

Таким образом, культурологическая семантика реалий художественного текста, формирующаяся на основе взаимодействия двух различных предметных областей – языка и культуры, предопределяет степень несовпадения национально-культурного пространства читателей оригинала и перевода. В ряде случаев слова, обозначающие инокультурные реалии, могут не вызвать никаких ассоциаций у читателя, поэтому от переводчика зависит правильный подбор средств перекодировки культурологически обусловленных лексических единиц для передачи их содержательного аспекта на переводной язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Синергетика лингвокультурологии как методологическая проблема / Н.Ф. Алефиренко // Русское слово в центре Европы: сегодня и завтра. – Братислава, 2005. – С. 75–79.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. науч. тр. – М., 1990. – 256 с.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г.И. Богин. – Л., 1984. – 256 с.
5. Бразговская Е.Е. Текст культуры: от события – к событию [логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий] / Е.Е. Бразговская. – Пермь, 2004. – 284 с.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы) : монография / В.В. Воробьев. – М. : РУНД, 2008. – 340 с.
7. Гак В.Г. Русская динамическая картина мира / В.Г. Гак // Русский язык сегодня : сб. ст. – М. : Азбуковник, 2000. – Вып.1. – С. 36–44.
8. Касевич В.Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса / В.Б. Касевич // XVI Congrès International des Linguistes. – Paris, 1997. – 256 с.
9. Клоков В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода / В.Т. Клоков // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2000. – Вып. 2. – С. 60–67.
10. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография / О.А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2002. – 435 с.
11. Лотман Ю.М. О семиосфере / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – С. 20–29.

12. Лотман Ю.М. О динамике культуры / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Вып. 25. – Тарту, 1992. – С. 5–22.
13. Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Изд. центр “Академия”, 2001. – 208 с.
14. Моисеева С.А. Французское и русское поведение: контактность и дисконтантность / С.А. Моисеева // Русское и французское коммуникативное поведение. – Вып 1. – Воронеж : изд-во “Истоки”, 2002. – С. 24–27.
15. Моисеева С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: монография // Моисеева С.А., Огнева Е.А. – М. : “ИРИС ГРУПП”, 2010. – 202 с.
16. Огнева Е.А. К вопросу о причинах несоответствия картин быта оригинала и перевода / Е.А. Огнева // Романо-германская филология : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005а. – Вып. 5. – С. 328–336.
17. Огнева Е.А. К вопросу об адаптации культурологического фонда произведения при переводе / Е.А. Огнева // Язык и межкультурная коммуникация : материалы 2-й межвуз. науч.-практ. конф. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2005б. – С. 216–220.
18. Ольшанский И.Г. Концептуальные признаки и когнитивные синонимы как фрагмент картины мира / И.Г. Ольшанский // Филология и культура : материалы IV Междунар. науч. конф. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 6–8.
19. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
20. Сорокин Ю.А. Чем художественный перевод отличается от нехудожественного? (Предварительные и априорные рассуждения) / Ю.А. Сорокин // Социокультурные проблемы перевода : сб науч. тр. – Вып. 8. – Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – С. 44–49.
21. Степанов Ю.С. Контакты. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
22. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В.Н. Телия // Филология и культура : материалы второй Междунар. конф. – Тамбов, ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 45–47.
23. Фененко Н.А. Русская действительность сквозь призму французской / Н.А. Фененко, И.С. Соболевская // Социокультурные проблемы перевода : сб науч. тр. Вып. 8. – Воронеж : Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – С. 175–185.
24. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А.Т. Хроленко / Под ред. В.Д. Бондалетова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 184 с.

25. Kassirer E. The philosophy of symbolic forms / E. Kassirer. – Vol. 2. Mythical thought. – New-Haven; London, 1970. – 298 p .
26. Oberg K. Culture shock: Adjustment to New Environment / K. Oberg. Practical Anthropology, 1960. – № 7. – P. 177–182.
27. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – М. : Советская Россия, 1984. – 560 с.
28. Tolstoï L. Anna Karénine / L. Tolstoï // Tr. du russe par Sylvie Luneau. – Paris : Éditions Gallimard, 1952. – 909 p.

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного национального исследовательского университета; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Александровна Огнева, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета; e-mail: Ogneva@bsu.edu.ru